ментов. И все-таки, какой одной мыслью пронизан этот набор типично пушкинских картин?

Если позволить себе сформулировать искомую постоянную, отвлекаясь от многообразных и непрямых способов ее «заразительного» (в толстовском смысле) воплощения, то, по-видимому, она будет выглядеть как ‘интерес к сопоставлению, противопоставлению, взаимодействию или конфликту двух полюсов: с одной стороны, всего живого, страстного, подвижного, легкого, изменчивого, а с другой — неживого, холодного, неподвижного, тяжелого, неизменного’ [3]. Для краткости можно говорить просто об инвариантной теме ‘изменчивость/неизменность’. Это, разумеется, лишь абстрактная «выжимка», точнее, условное обозначение [4] тех важнейших противопоставлений, в категориях которых, через призму которых «увиден» мир в произведениях Пушкина. В реальных текстах центральная тема предстает в бесконечном разнообразии вариаций, касающемся материала, охваченного ее организующим действием, и той оценки, которую получают в мире Пушкина его полюсы.

Что касается материала, то, прежде всего, проецируясь в разные сферы действительности (условно: физическую, биологическую, психологическую, социальную), тема ‘изменчивость/неизменность’ дает соответствующие более частные противопоставления (‘движение/покой’, ‘жар/холод’, ‘жизнь/смерть’, ‘страсть/бесстрастие’, ‘свобода/оковы’, и некоторые другие).

Что же касается оценки, то желанным и проповедуемым началом оказывается то один полюс темы, то другой, а чаще всего то или иное их гармоничное совмещение. Иными словами, оценка Пушкиным противопоставления ‘изменчивость/неизменность’ принципиально амбивалентна. Оно именно интересует его — как проблема, которую он каждый раз — даже в пределах одного произведения — ставит и решает по-разному.

Положительная или отрицательная оценка того или иного полюса темы свободно накладывается на выделенные выше разновидности и их совмещения, так что в целом образуется довольно пестрая гамма характерных для Пушкина мотивов. Бегло перечислим некоторые из них.

В физической сфере: ‘радостный или мучительный покой’; ‘стремительное движение’; ‘чередование движения и покоя’ (внезапная остановка или устремление потока, корабля, коня, оленя, балерины); ‘покой и движение одновременно’ (*речка подо льдом*; дремота в пути); ‘восхищение разрушительной энергией’ (ветра, волн и т. п.) или, напротив, ‘чудесной неприступностью’ (утеса среди бури); ‘приход в движение тяжелых неподвижных масс’ (например, неколебимого медного всадника); ‘*холодная краса* зимы’; ‘жар и холод’ (*лед и пламень*; *мороз и солнце* и т. п.); ‘розы на снегу’.

В биологической сфере: различные ‘промежуточные состояния между жизнью и смертью’ (*мертвый. . .плыл, качаясь, как живой*; *ни житель света, ни призрак мертвый*); ‘мертвый, убивающий живого’; ‘покидание могилы’; ‘голос из-за гроба’; ‘буйная жизненность на грани собственной смерти’ (гибельное опьянение битвой, отвагой, вином или любовью; ночь, покупаемая ценою жизни; *девы-розы. . . дыханье. . . полное чумы* и т. п.); ‘любовные сцены *при мертвом*’.

---

[3] Наше описание во многом опирается на работы: *Гершензон М.* Мудрость Пушкина. М., 1919; *его же.* Гольфстрем. М., 1922; *Благой Д.* Социология творчества Пушкина. Изд. 2. М., 1931; *Jakobson R.* La statue dans la symbolique de Pouchkine.— В кн.: *Jakobson R.* Questions de poétique. Paris, 1973, p. 152—187; *Лотман Ю.* Структура художественного текста. М., 1970, с. 310 сл.; *Бочаров С.* Поэтика Пушкина. М., 1974.

[4] Условные обозначения тем и мотивов берутся в кавычки.